

Хроники Янтаря

Роджер Желязны

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ
В ЯНТАРЕ

Роджер Желязны

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ В ЯНТАРЕ

Тестовый любительский перевод
Главы 1-2 (отрывок)

«Демо-версия» 0.81 от 4 мая 2016 г

Приложение к сайту SZfan.ru

ОБ ЭТОЙ ВЕРСИИ ПЕРЕВОДА

Это, скажем так, «академическая версия», то есть версия для тех, кто книгу уже читал, а также смотрел или будет просматривать мои сумбурные рассуждения о тексте Железны вкупе со сравнением других переводов. Именно поэтому сноски-примечания пока такие обширные, в них даже могут мелькать незначительные спойлеры, а точнее ссылки на **отдельные**, ещё не произошедшие по сюжету события и даже общие рассуждения о романе в целом. Для книжной версии, особенно для тех, кто первый раз читает роман такие обильные комментарии и даже разбор текста были бы явно излишни.

Ещё надо иметь в виду, что следующий текст — всего лишь очищенный от «рабочих лесов» вариант перевода, который будет меняться ещё сотни раз.

Кроме того, некоторые вещи, некоторые спорные моменты, которые доступны в рабочей версии перевода, здесь сглажены, иногда чуть приближены к прежним привычным по звучанию переводам. Например, сотни перебранных вариантов перевода первого предложения романа. Или то, что там, в правках, роман озаглавлен «В Янтаре — девять принцев», когда здесь сохранено более привычное по переводу «Яна Юа» название «Девять принцев в Янтаре» и «Хроники Янтара» против всё не дающих мне покоя «Янтарских хроник». Искажённая цитата из «Гамлета»: «In the State of Denmark there was the odor of decay...» переведена здесь как «Упадком пахнет в Датском королевстве...», хотя в черновике я ещё не определился ещё и между «Некисло бродит в Датском Королевстве...», «Упадок духа в Датском Королевстве...» и прочими вариантами, особенно из-за того, что там подряд две достаточно вариативные по причине многообразия их поэтических переводов цитаты (см. также основную заметку о переводе на SZfan.ru). Перевод «Of course, still sacking Z's» меняется у меня через раз, после каждой вычитки, то на умеренно-нейтральный «конечно, притворно посапывал», то, обыгрывается русский эквивалент — «задать Храповицкого» с различными оттенками наречия «потихоньку». Это я всё к тому, что при моём любительском подходе и неограниченных сроках нет мелочей, а есть детали и элементы, которые меняются не только сами по себе, но и в зависимости друг от друга). Очень большую работу предстоит проделать, чтобы гармонично вписать в текст все примечания. Уточнить их текст, сократить до минимума. Возможно, вынести какие-то отдельные моменты в послесловие. Ну, и прочие разные интересные и спорные моменты, которые надо будет ещё немало пообсуждать в дальнейшем.

Наконец, есть большое подозрение, что довольно значительные куски текста нужно переводить не как прозаический текст, а как поэтический (особенно в тех местах, где есть игра со стилями повествования и диалогами по театральной традиции характеризующими персонажа ярче и в большей степени, чем описания — все принцы Янтара говоря по-разному). Всё это придётся учитывать уже в самом конце работы, прослушивая существующие аудиоверсии книги. Дело даже не в какой-либо ритмичности, а в том, что эти места нельзя «размазывать» в переводе, а нужно делать как можно более выразительно и лаконично.

Если вы впервые узнали об этой задумке, скачав этот файл, то подробнее почитать о работе над переводом, увидеть рабочую версию и узнать, зачем и почему всё это, можно на сайте szfan.ru.

ГЛАВА 1

К исходу близилось то, что чуть было не сошло для меня за самую вечность.

Я попробовал шевельнуть пальцами ног — получилось. Я обнаружил себя распростёртым здесь, на больничной койке, а свои ноги в фиксирующем гипсе. Но они были ещё при мне.

Я крепко зажмурил глаза, опять открыл. Трижды. Обстановка стабилизировалась.

Где же, чёрт, я нахожусь?

Потом окружавшие меня мороки медленно распались, и кое-что из того, что зовётся «воспоминаниями», вернулось ко мне. Я выудил из памяти ночи. С медсёстрами и инъекциями. Каждый раз как только наступало хоть малейшее прояснение, кто-то заходил и что-то мне вкалывал. Вот как оно было. Именно. Но теперь я чувствовал себя довольно сносно. Придётся им перестать.

А с чего бы?

Мысль эта подобралась ко мне и напрягла: *может и нет*.

Кое-какие естественные сомнения в чистоте человеческих побуждений не преминули меня навестить: ими я и проникся. Меня накачали наркотиками сверх всякой меры — вдруг понял я. По моим ощущениям, у них не было на то ни малейшего основания, следовательно, и прекращать им не было причин, тем более, если кто-то за всё это платил. «Так что пока не дёргайся и сохраняй обдолбанный вид» — сказал некий голос, который был худшей, пусть даже и более благоразумной частью меня.

Что я и сделал.

Минут через десять в дверь просунула голову медсестра. Ну а я, конечно, знай себе безмятежно посапывал. Она ушла.

К этому времени я восстановил лишь малую часть происшедшего.

Это был несчастный случай, смутно припомнил я. С пока неясной причиной. То, что произошло потом, всё ещё оставалось размытым пятном. Как и всё то, что случилось раньше. Совсем без зацепок. Правда я вспомнил, что меня сначала поместили в обычную больницу, а уже затем доставили сюда. Но почему? Этого я не знал.

И, тем не менее, мои ноги чувствовали себя весьма неплохо. Достаточно хорошо, чтобы меня выдержать, хотя я понятия не имел сколько времени прошло с тех пор, как я их сломал. А в том, что они были сломаны, я и не сомневался.

Затем я приподнялся. Для моих онемевших мышц это оказалось по-настоящему трудно. Снаружи было темно, а прямо надо мной за окном россыпью раскинулись нагие звёзды. Я подмигнул им в ответ и перебросил свои ноги через край постели.

Это оказалось ошеломляюще, но вслед за тем меня отпустило, и я встал, опершись на спинку изголовья кровати. Вот я и сделал свой первый шаг.

Отлично. Мои ноги меня держали.

Итак, теоретически я достаточно окреп, чтобы убраться отсюда.

Добрался я лишь обратно до кровати, завалился туда, в результате растянувшись по ней и по мысли. Я весь взмок и меня трясло. И небо в звёздах-леденцах¹ — и-так-далее.

Упадком пахнет в Датском Королевстве...²

¹ Цитата (в оригинале у Желязны «*Visions of sugar plums*» — буквально, «снятся засахаренные сливы») из стихотворения «Визит Святого Николая» „A Visit from St. Nicholas“ или «В Ночь перед Рождеством» „The Night Before Christmas“ Кларка Клементы Мура (Clement Clarke Moore). Считается, что оно известно в Америке практически каждому. Строка стихотворения:

The children were nestled all snug in their beds,
While visions of sugar-plums danced in their heads.

Здесь цитата дана в переводе Л. Яхнина «И небо в звёздах-леденцах», сравните «снится сахарный снег и Луна-мармеладка» (перевод О. Литвиновой) и «Им сладости снятся. Им снятся игрушки» в переводе Ирины Токмаковой. В итоге с вариантом цитирования перевода Яхнина получается, конечно, даже некоторая избыточность «звёзд» в сочетании с предыдущим абзацем и лишние смыслы, но это в целом компенсирует то, что русскоязычный читатель не сильно знаком с *Sugar Plums*, как массовым кондитерским (и рождественским) продуктом.

² У Желязны искаженная цитата из «Гамлета»: *In the State of Denmark there was the odor of decay...* (Сравните его с оригинальным шекспировским: *Something is rotten in the state of Denmark*, акт 1, сцена 4, реплика Марцелла). Существует множество (около 20-ти) вариантов поэтического перевода. Наиболее расхожий, идиоматический «дореволюционный» вариант перевода (на котором я и основывался) звучит «Неладно что-то в Датском королевстве». «Подгнило что-то в датском государстве» — второй по известности перевод М. Лозинского (1933 г.), третий Б. Пастернака «Какая-то в державе датской гниль» (меня так и подмывало остановиться на варианте «Какая-то в державе датской хрень»).

Вся эта поэзия (Шекспир и Мур) обрамляет и инсказательно показывает у Корвина признаки гипогликемии (пониженного сахара в крови) от усилий после многодневного поста при пребывании в бессознательном состоянии. То есть потливость, тремор, фруктовый привкус, запах во рту (или привкус разложившихся фруктов), настойчивое желание съесть что-то сладкое — все симптомы. Что, скорее всего и обыгрывается в тексте. По отдельности можно было попытаться это передать чем-то вроде: «Грезятся сливы в сахаре сладком» и «Неважно пахнет в Датском королевстве», то есть посылнее выставить акцент, но я уже завязался на изданный поэтический перевод стишка, который если и не совсем подходит, то не слишком мешает. Ещё, возможно, искаженная цитата может означать иронию или первое сомнение в реальности этого мира: Шекспир на английском — основа-основ, узнаваем и весьма однозначен. Вот это уже на выбор читателя. Слишком далеко

Несчастный случай произошёл в каком-то дорожно-транспортном происшествии — осенило меня. Чёртова авария...

Тут открылась дверь, и из-под прикрытых ресниц я увидел в полосе света медсестру со шприцем наизготовку.

Она подступала к рубежу спинки моей кровати, сама похожая на солидный поршень: одинаково широкая и снизу и сверху, тёмноволосая, большерукая.

Как только она ещё приблизилась, я приподнялся.

— Добрый вечер, — сообщил я.

— Да как... Добрый вечер, — отреагировала она.

— Когда я могу выписаться, — поинтересовался я.

— Я должна спросить у Доктора.

— Так спросите, — сказал я.

— Пожалуйста, закатайте рукав.

— Нет, спасибо.

— Я должна сделать вам укол.

— Нет, не сделаете. Мне этого не нужно.

— К сожалению, доктору виднее.

— Так приведите его, и пусть он сам мне это скажет. А пока я не разрешаю вам это делать.

— Я боюсь, у меня уже есть все его указания и назначения.

— Также как и у Эйхмана¹, а посмотрите, что с ним в итоге стало, — я медленно покачал головой.

— Очень хорошо, — произнесла она. — Я должна буду доложить ему об этом...

— Уж, пожалуйста, — ответил я, — и заодно, сообщите ему, что я решил выписаться этим утром.

— Это не возможно. Вы не сможете и шагу ступить, а ещё у вас внутренние повреждения...

— Посмотрим, — сказал я. — Доброй ночи.

Она безответно прошуршала, исчезая из поля зрения, как занавес.

¹ Адольф Эйхман (урожденный Отто Адольф Эйхман; нем. *Otto Adolf Eichmann*, 1906—1962), немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев в нацистской Германии. Оберштурмбаннфюрер (подполковник) СС. Заведовал отделом гестапо IV-B-4, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса». После войны скрылся от суда в Южной Америке (Аргентина). Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был приговорён к смерти.

Сам процесс над Эйхманом получил широкую огласку и стал судом десятилетия, предшествующего написанию романа. Ежедневно на протяжении всего процесса по нью-йоркскому телевидению в течение получаса сообщалось о наиболее значительных эпизодах во время судебного разбирательства. В реплике Корвина заключается намёк на одну из линий защиты в процессе. Эйхман заявлял, что был всего лишь винтиком в огромном механизме и только подчинялся приказам сверху. Выражение «всего лишь выполнял приказы» стало своеобразным мемом. Эта же тема поднята в получившей широкую известность и вызвавшей наибольшие споры и обсуждения книге Ханны Арендт «Банальность зла». В книге показано, что Эйхман не был основным идеологом Холокоста, но был недалёким, исполнительным и заикленным на своей карьере винтиком тоталитарной машины. И на примере Эйхмана доказывается, что в условиях «морального коллапса целой нации» виновниками и участниками массовых убийств оказываются не только «сверхзлодеи», но и самые обыкновенные, заурядные люди. См. также газетную заметку Генриха Белля «Приказ и ответственность. Размышления по поводу процесса Эйхмана» и документальную книгу «Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле», которую написал Йохен Ланг.

А я снова прилёт и впал в раздумья. Выглядело всё так, как будто я находился в одной из частных клиник. А это значило, что кто-то за всё платит. Те, кого я знаю? Таковых не представилось. Ни близких, ни родных. Ни даже друзей. Кто же остался? Враги?

Я продолжал думать.

Ничего.

Никого, кто мог бы устроить мне подобное благодеяние.

Я слетел с обрыва в озеро, находясь в своей машине, неожиданно вспомнил я. И это было всё, что я припомнил.

Я...

Я замер и опять взмок.

Я не знал, кто я такой.

Только чтобы себя чем-то занять, я сел и снял все мои повязки. Под ними всё было в порядке, поэтому я заключил, что поступил правильно. Я разломал гипс на моей правой ноге металлическим прутком, изъятым из спинки кровати у изголовья. И внезапно почувствовал, что должен поскорее отсюда убраться и сделать нечто важное.

Я опробовал мою правую ногу. В норме.

Я расковырял гипс на левой ноге, встал и направился к шкафу.

Одежды не было.

Затем я услышал шаги. Я вернулся в свою кровать, спрятал осколки гипса и размотанные бинты.

Дверь в очередной раз отворилась.

Затем вокруг вспыхнул свет, и взору предстал здоровенный детина в белом халате, уткнувшийся рукой в выключатель на стене.

— Это что я тут слышу, кто-то вздумал мешать работе медперсонала? — заявил он, и на этот раз было бесполезно притворяться спящим.

— Не понимаю в чём дело? — сказал я.

Это озадачило его секунды на две, а затем он хмуро заявил: — Сейчас время вашего укола.

— Так ты у нас доктор? — поинтересовался я.

— Нет, но моей квалификация достаточно для того, чтобы прописать тебе укол.

— Я от него отказываюсь — сказал я, — так как имею на это полное право. Дальше что?

— Свой укол ты получишь, — сказал он и двинулся налево вокруг кровати. В одной руке у него был шприц, который он до этого прятал.

Это был совсем некрасивый тычок, скажу я вам, дюйма на четыре ниже пояса. И он поверг его на колени.

— !¹ — сказал он, через какое-то время.

— Только подойди ближе, хоть на плевок — сказал я, — увидишь, что будет.

— Мы находим управу и на таких пациентов, — выдохнул он.

Итак, пришла пора действовать.

— Где моя одежда? — сказал я.

— ! — репризой повторил он.

— Тогда, я думаю, мне придётся взять твою. Давай-ка её мне. Назревал третий прогон уже изрядно надоевшего спектакля. Поэтому я набросил простыню ему на голову и отгреб всё тем же металлическим прутом.

Спустя пару минут я представлял собой нечто, целиком облачённое в цвета Моби Дика² и ванильного мороженого. Отвратно³.

Я затолкал его в шкаф для одежды и выглянул в зарешечённое окно. Увидел я Старую Луну с Молодым Месяцем на руках⁴: они парили над грядой тополей. Искрилась серебристая трава.

¹ Именно так в печатной версии, здесь и в следующей реплике. В авторской начитке (аудиокниге в исполнении Желязны) звучит как „Damn you!“ — «Чтоб тебя!», «Будь ты неладен!», «Будь ты проклят!».

² Моби Дик — гигантский белый кит из романа «Моби Дик, или Белый кит» (англ. Moby-Dick, or The Whale, 1851). Основная работа Германа Мелвилла, итоговое произведение литературы американского романтизма. Вернувшись из забвения во 2-й трети XX века, «Моби Дик» прочно вошёл в число самых хрестоматийных произведений американской литературы, а также в то, что можно назвать «американским культурным кодом».

³ Ванильное мороженое (Vanilla ice cream) — наиболее распространённый вкус (наполнитель) для сливочного мороженого в Северной Америке и Европе. А далее по смысловым отсылкам и следующей из них иронии см. рассказ Рея Бредбери «Чудесный костюм цвета сливочного мороженого» (The Wonderful Ice Cream Suit, The Magic White Suit, Ice Cream Suit, 1958 г), плюс одноимённая пьеса 1972 г.

⁴ Иначе «Пепельный свет Луны» в фазе убывающей Луны между последней четвертью и сразу перед Новолунием. Называя наблюдаемое Корвиным явление как «Old Moon with the New Moon in her arms» и обозначая в качестве времени наблюдения утренние часы, Желязны указывает, что это происходило незадолго до Новолуния во время окончания последней фазы убывающей Луны. Физически «Пепельный свет Луны» — слабое свечение неосвещённой прямым солнечным светом поверхности Луны за счет солнечного света, отраженного от Земли характерного тусклого, пепельного цвета. Образуется солнечным светом, рассеянным Землей, а затем вторично отражённым Луной на Землю. Фраза The New Moon in the Old Moon's Arms в случае растущей Луны (а также The Old Moon in the New Moon's Arms в случае убывающей Луны) при описании пепельного света (Earthshine) в лунных фазах является вполне распространённой в англоязычной астрономической литературе, откуда её чаще всего её переводят с английского на русский буквально (калькируют) и называют «Молодая Луна на руках Старой Луны» (и наоборот в случае убывающей Луны). Чуть правильнее именовать «Старую Луну» Ущербной или Убывающей Луной. Визуально узкий серп и подсвеченная пепельным светом часть при фазах растущей и убывающей Луны являются зеркальными отражениями друг друга — серп справа и слева ближе к полюсам, и серп вверху и внизу ближе к экватору. Наблюдается в фазах Луны, близких к Новолунию (в начале первой четверти и в конце последней четверти — узкие лунные фазы), при очень узком серпе — т.е. после или до Новолуния (в период около двух дней). Описание Пепельного света как солнечного света, отраженного земными океанами и освещающего темную поверхность Луны, было впервые сделано Леонардо да Винчи.

Явление интересное, как физически и астрономически, потом — астрологически, и далее в символизм и мифологию. В тексте Желязны, скорее всего, символизирует новое начало, обновление. Например, в тибетской духовной практике первый лунный день — символическое начало жизни, точка отсчета. Образы «умирающего» и «возрождающегося» месяца связывают Луну с мифами о жизни и смерти. У многих архаических народов имеется представление о том, что раньше люди умирали и снова возрождались, как Луна, но впоследствии почему-то лишились этого дара. Символика новолуния связана с легендой возрождения птицы-Феникса.

Ещё можно вспомнить Рош Ха-Шана — еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей (тишири) по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). Согласно каноническим источникам, на Рош ха-Шана произошли многие важные события, например, создание первого человека (Адама), создание Евы, нарушение запрета не есть от дерева познания добра и зла, изгнание из рая, выход Ноя из ковчега после потопа и др.

Уже изнемогшая ночь устало вела торг с рассветом. Совсем ничего из того, чтобы позволило мне понять, где я, и что это за место. Тем не менее, я определил, что нахожусь на четвёртом этаже здания. Квадрат света, выбивавшегося слева и ниже от меня, обозначил мне окно на втором этаже, где тоже кто-то не спал.

Тогда я покинул комнату и осмотрел коридор. Слева он заканчивался противоположной стеной с окном закрытым решеткой, и ещё здесь были четыре двери, по две с каждой стороны. Скорее всего, они вели в такие же палаты, как и моя. Я прошёл дальше и выглянул в окно. Я увидел то же пространство внизу, ещё деревья, всю ту же ночь: ничего нового. Повернувшись, я направился в другом направлении.

Двери, двери, двери, ни из-под одной из них не выбивался свет, только звуки моих шагов: шарканье позаимствованных туфель, которые оказались мне велики.

Часы Комика¹, сменившего амплуа на роль убранного в шкаф скелета, подсказали мне, что было пять сорок четыре. Металлический прут, который я заткнул за пояс под белый больничный халат, при каждом шаге натирал мне бок. Где-то на каждые двадцать футов были размещены потолочные светильники, мерцающие ватт на сорок.

Я подошёл к лестничному пролёту, заворачивающему направо и ведущему вниз. Я последовал этим путём. Мягко и бесшумно.

Третий этаж выглядел также: ряды палат, поэтому я проследовал дальше.

Когда я добрался до второго этажа, я повернул направо, и стал искать подсвеченную снизу дверь.

Я обнаружил её, пройдя почти до конца холла. Стучаться не стал.

Тип в цветастом халате заседал здесь за большим ярко освещённым столом, он разбирался в каких-то грассбухах. Это была явно не палата. Он поднял на меня широко открытые в изумлении глаза, губы его раскрылись в застрявшем в них крике. Воз-

¹ В оригинале *Laughing Boy* — дурилка, лошара, растяпа, лопух (возможно «шут гороховый», «чучело», «пугало огородное») редко употребляется с разными целями от пренебрежительного до оскорбительного в зависимости от контекста: „*Eh, laughing boy, what's happened to those two beers I ordered?*” — «Эй, растяпа, что случилось с двумя кружками пива, которые я заказал?». Достаточно редкий американизм, не фигурирующий в англо-русских словарях.

Кроме того, для американского читателя доступно великое множество аналогий. Если оглянуться на совершенное ранее Корвиным действие по упаковке его в шкаф, появляется аналогия между «Смеющимся Мальчиком» (*Laughing Boy*) и «скелетом в шкафу» (*Skeleton in the Closet*), бубновым валетом (*Laughing Jack*) в покере (не забываем и про дурака, шута из Таро — хотя слишком далеко) и чёртиком из табакерки или чёртиком из коробки (*jack-in-the-box*). Так что «*Laughing Boy*» у Желязны кроме всего прочего равен «*Laughing Skeleton*» (Хэллоуин), который «*shoved into the closet*». И это ещё не весь список! А учитывая то, что раньше явно были намёки на некоторое театральное восприятие его реплик, здесь пришлось кое-что дописать от себя. Не исключено также влияние комикса 1961 года.

можно, этому способствовал мой суровый вид. Он вскочил. Поспешно.

Я закрыл за собой дверь, двинулся на него, и произнёс:

— Утро доброе. Ну, вы и вяпались.

Люди всегда проявляют неслабый интерес к грозящим им неприятностям, поэтому после трёх секунд, которые позволили мне пересечь комнату, его слова были:

— Что это значит?

— Это значит, — сказал я, — что вы нарвались на мой иск о насильственном удержании, обвинение в других уголовно наказуемых деяниях, вроде использования наркотических средств без медицинских показаний. Кроме того, уже сейчас у меня синдром отмены, то бишь, ломка, и в связи с этим я могу учинить здесь что-то очень жестокое...

Он встал.

— Убирайтесь отсюда, — произнёс он.

Я заметил пачку сигарет на его столе. Я утостился, и следом заявил:

— Сядь и заткнись. У нас есть о чём поговорить.

Он сел, но не заткнулся:

— Вы нарушили сразу несколько норм и правил, — сказал он.

— Тогда пусть суд это определит. — Мне нужна моя одежда и личные вещи. Я выписываюсь.

— Вы ещё не в состоянии...

— Тебя не спросил. Выложишь мне всё сейчас или придётся ответить перед законом.

Он потянулся к кнопке на столе, но я успел перехватить его руку.

— Прямо сейчас! — повторил я. — Жать надо было раньше, как я вошёл. Теперь — уже поздно.

— Мистер Кори, вы были в очень тяжёлом состоянии.

Кори?

— Сам я сюда не ложился, — сказал я, — но, будь я проклят, выписаться имею полное право. А сейчас — самое время. Приступим.

— Очевидно, вы ещё не в состоянии покинуть это заведение — ответил он. Я не могу позволить вам это, я собираюсь вызвать кого-нибудь сопроводить вас назад в вашу палату и уложить обратно в кровать.

— И не пытайся, — ответил я, — или увидишь, что я вполне в состоянии. А сейчас у меня есть несколько вопросов. Первый: кто меня сюда поместил, и второй: кто оплачивает моё пребывание.

— Хорошо, — он вздохнул, при этом его рыжеватые усики до невозможности обвисли.

Он открыл выдвижной ящик стола, протянул руку внутрь — но я был настороже.

Я выбил его раньше, до того, как был снят предохранитель. Автоматический, 32-го калибра, ладный такой кольт. Затем я подобрал со столешницы свою добычу, щелкнул предохранителем, направил в нужную точку и сказал:

— Мне нужны ответы на мои вопросы. Очевидно, я показался тебе опасным. Что вполне может оказаться правдой.

Он криво улыбнулся, зажег сигарету, что было его ошибкой, если он хотел показать свою уверенность. Руки его дрожали.

— Ну ладно, Кори, если это вас осчастливит, — сказал он, — то это ваша сестра поместила вас сюда.

— ? — подумал я.

Затем спросил:

— Какая сестра?

— Эвелин, — ответил он.

В голове у меня ничто не щелкнуло. Поэтому я сказал:

— Это нелепо. Я не видел Эвелин уже много лет.

И добавил:

— Она даже не знает, что я был в этих местах.

Он пожал плечами:

— И тем не менее.

— И где она сейчас? Я хочу ей позвонить, — сказал я.

— У меня нет под рукой её адреса.

— Поищи.

Он поднялся, подошёл к шкафу для документов, открыл его, пробежался по карточкам.

— Так, вот он. *Миссис Эвелин Флаумель*.. Её адрес в Нью-Йорке тоже ничего мне не дал, но я его запомнил. Также в карточке было записано, что моё имя Карл. Так-так. Ещё сведения.

Я засунул ствол за пояс рядом с прутком, разумеется, поставив на предохранитель.

— О'кей, — сказал я ему. Где моя одежда, и сколько собираешься мне выложить?

— Ваша одежда уничтожена при аварии, — сказал он. — И я должен вам сообщить, что ваши ноги точно были сломаны. Левая даже в двух местах. Честно говоря, я не понимаю, как вы способны стоять на ногах. Прошло всего две недели...

— Я всегда вылечиваюсь быстро, — ответил я. — А сейчас, про деньги...

— Какие деньги?

— За внесудебное урегулирование обвинения в профессиональном злоупотреблении, незаконных действиях и тому подобное.

— Не будьте смешным!

— Это кто собирается быть смешным? Я хочу уладить дело какой-то тысячей. Наличными. И прямо сейчас.

— Я не буду даже обсуждать подобные вещи.

— Тогда тебе лучше бы всё взвесить — все плюсы и минусы. И стоит задуматься о репутации, которой обзаведётся это место, если дойдёт до слушаний дела в суде.

Я непременно свяжусь с Американской медицинской ассоциацией¹, газетами...

— Это вымогательство, — заявил он, — и я на него не поддамся.

— Заплатишь сейчас или заплатишь потом, по постановлению суда, — ответил я. Мне плевать. Но сейчас — дешевле будет.

Если бы он стал юлить, то я бы и не понял, какие из моих догадок были верны. Всё в этом деле представлялось сложным и запутанным.

Он зло пялился на меня, и уж не знаю как долго.

Затем выдал:

— У меня нет здесь тысячи.

— Предложи, сойдёмся, — ответил я.

Ещё одна заминка:

— Это грабёж.

— Нет, если это прямая сделка, Чарли². Ну же, я жду.

— Возможно, у меня есть около пяти сотен в сейфе.

¹ Американская медицинская ассоциация (англ. *American Medical Association*) или АМА, основанная в 1847 году, является самой большой ассоциацией врачей и студентов в США, одной из самых известных, авторитетных и влиятельных национальных общественных медицинских ассоциаций в США. Является признанным лидером по установлению стандартов медицинской этики и практики здравоохранения. Ассоциация является крупнейшей общественной организацией и федерацией региональных медицинских ассоциаций всех территорий, находящихся под юрисдикцией США. Американская медицинская ассоциация активно участвует в судебных разбирательствах по случаям врачебных ошибок. АМА признаёт, что как преступная неосторожность (по сегоднешнему российскому законодательству — легкомыслие), так и умышленное действие являются условиями наступления уголовной ответственности.

² «Чарли» — расхожее выражение, обозначающая простопфила, дурень, глупец. «Иванушка», это просто сделка. Это просто определение городского простака, т.е. любой, какой-то человек, парень, Джонни Донн, Джек Смит и т.д. Возможно, намёк на прозвище ночного сторожа — *Charley*, например, ночной сторож *parish Charley* — ночной сторож в церкви. В этом смысле Корвин в этой главе выступает прямо-таки именователем. То *Laughing Boy*, то *Charlie*.

— Давай сюда.

После инспекции содержимого маленького стенного сейфа он сообщил мне, что там было четыреста тридцать, а так как я не хотел оставлять отпечатков пальцев на сейфе, проверять я не стал. Итак, я согласился и засунул отступные в боковой карман.

— А теперь как там насчёт ближайшей отсюда службы такси, которая может прислать машину в это место?

Он назвал, и я проверил это в телефонной книге, подсказавшей мне, что я был где-то к северу от Нью-Йорка.

Я заставил его позвонить и вызвать такси, потому что не знал названия этого места. А позволить ему узнать о состоянии моей памяти я не хотел: одной из повязок, от которых я избавился, была повязка *вокруг головы*.

В ходе заказа такси я подслушал, как он назвал это место: это была «Частная клиника «Гринвуд».

Я затушил свою сигарету, достал другую. Затем снял со своих ног груз примерно в две сотни фунтов, усевшись в коричневое кресло с мягкой обивкой рядом с его шкафом для книг.

— Мы подождём здесь, а потом ты проводишь меня до двери, — сказал я.

Больше я ни слова от него не услышал.

ГЛАВА 2

БЫЛО ОКОЛО ВОСЬМИ утра, когда я вылез из такси на каком-то углу в ближайшем городке. Я расплатился с водителем и ещё минут двадцать топал пешком. Затем зашёл перекусить в кафе, обнаружил свободный столик и заказал сок, пару яиц, тосты, бекон и три чашки кофе. Бекон был жирноват.

Завтракал я с добрый час, затем отправился дальше, до первого попавшегося магазина одежды. И ждал до его открытия в 9-30.

Я купил пару слаксов, три спортивные рубашки, ремень, нижнее бельё и пару туфель, на этот раз своего размера. В придачу шейный платок, кошелек и складную расчёску.

Затем я нашёл автобусную станцию «Грейхаунд¹» и сел на автобус до Нью-Йорка. Никто так и не попытался меня остановить. Никто меня не разыскивал.

Я уселся на своё место, и, любуясь на окрестные пейзажи, расцвеченные всеми цветами осени и взъерошенные проворными

¹ Автобусная станция «Грейхаунд» («*Greyhound*»). *Greyhound Bus Line* — это одна из крупных компаний в США, занимающихся автобусными пассажирскими перевозками. В лучшие годы компании (как раз 70-е, годы написания романа) доля рынка автобусных перевозок компании составляла до 60%, то есть была в то время крупнейшей и знаковой для страны компании. Названа по имени породы собак. Исторически это что-то вроде «серая английская борзая, гончая». На идею создания логотипа компании также повлиял серый металллик в окраске автобусов и отчасти их форма. *Greyhound* — символ компании, которые можно увидеть в США везде, на автобусах, автовокзалах, остановках. Компания и её маршруты был частью жизни американцев, свободно перемещающихся по стране. Автобусы *Greyhound* были не самым быстрым средством передвижения в США, но одним из самых интересных, вездесущих и дешёвых. Для США, как страны, *Grayhound* стал самым массовым, доступным по ценам и конкурентноспособным, как перед другими автобусными компаниями, так и перед железнодорожными перевозчиками, а особенно перед набирающими силу авиакомпаниями. В 80-х компании вновь пришлось бороться и конкурировать особенно с дискаунтерами, сменив в 1987 г владельца (автобусная часть бизнеса) пройти банкротство, однако бренд остаётся в бизнесе пассажирских перевозок. В настоящее время сетка маршрутов по сравнению с временем действия романа существенно изменилась. (см. http://en.wikipedia.org/wiki/Greyhound_Lines, <https://www.greyhound.com/>)

Что тут забавного и смыслового? Стоит задуматься, какое отношение имеет езда в автобусе *Greyhound Bus Line* к последующей в четвёртой главе травле автомобиля Корвина-Рэндома штурм-гончими, хват-гончими (*Storm Hound*) в Арденском лесу (в Янтаре-Амбере)? Или в какой степени и как именно видоизменялась изначальная задумка о мире внутри мира и событиях внутри событий и представления о реальности каждым из 9-ти братьев-принцев. Ещё более интересно становится, если далее по тексту обратить внимание, как события в Янтаре влияли на различные Тени, как прямые близкие — прямые Отражения, — так и отдалённые, близкие к Хаосу уголки Амберской вселенной, причём могли происходить позже событий в Тенях.

ветрами под сенью ясного, холодного неба, стал упорядочивать всё, что я знал о себе и своём положении.

Я был зарегистрирован в «Гринвуде», как Карл Кори, моей сестрой Эвелин Флаумель. Я пострадал в автомобильной аварии, случившейся примерно пятнадцать дней назад. Переломы костей, последствия аварии, меня больше не беспокоили. Я не помнил сестрицу Эвелин. Персонал «Гринвуда» был проинструктирован попридержать меня вне игры, они же испугались, когда я оклемался и пригрозил им юридическим иском. Интересно. Кто-то по какой-то причине меня боялся. Что ж, этой картой я и сыграю.

Я направил своё сознание назад к несчастному случаю, прокручивая всё заново, и так вплоть до головной боли. Авария была не случайна. Именно эта версия событий отпечаталась в сознании, хотя я и не мог понять почему. Я это выясню, и кто-то заплатит. Очень, очень дорого заплатит. Внутри, в глубине меня, в самой сердцевине, разгорался гнев. Гнев испепеляющий и ужасный. Любуй, кто покусился на меня, использовал меня — делал это на свой страх и риск. И теперь он получит всё, что причитается. Я чувствовал сильное желание убить, уничтожить того, кто в ответе за всё это, и я знал, что чувствовал нечто подобное уже не в первый раз в своей жизни. И ещё я знал, что в прошлом уже вершил свою месть. И не единожды.

Я уставился за окно, рассматривая там мертвенную неизбежность листопада.

Когда я достиг Большого Города, Нью-Йорка, первое что я предпринял, это забежал в ближайший салон, где меня гладко выбрили, тщательно постригли и изрядно при этом «ободрали», и второе — сменил рубашку и бельё в туалете, потому как терпеть не могу волосы на загривке. Автоматический кольт, принадлежавший безымянному субъекту из «Гринвуда» находился в правом кармане куртки. Я прикинул, что если «Гринвуд» или моя сестра захотят меня по-быстрому сцапать, нарушение акта Салливана¹ будет им на руку. Но всё же решил пока попридержать все его 0,32 дюйма. Пусть сначала меня отыщут, а уж тогда буду отмазы-

¹ [Sullivan Act](#) (закон по контролю за оборотом оружия Штата Нью-Йорк сенатора Тимоти Салливана, [Timothy Sullivan](#)), 1911 г.т.е. Закон (акт) Салливана. Уточняет и ограничивает действие второй поправки к конституции США, которая гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия [на территории штата Нью-Йорк](#). Закон (акт) Салливана фактически ограничивает в ношении оружия на территории штата всех граждан США, устанавливает ограничительные меры к получению нью-йоркской лицензии гражданами штата кроме полицейских, некоторых должностных лиц и других малых исключений в самом Нью-Йорке, не даёт возможности воспользоваться лицензиями на ношение оружия из других штатов. Ношение оружия без нью-йоркской лицензии является уголовным преступлением. В издаваемом переводе Ирины Тогоевой (в различных примечаниях редакции) назван «Поправкой Салливана», хотя к поправкам к конституции США отношения не имеет.

В этой связи не стоит также путать с прецедентом, делом [New York Times Co. v. Sullivan](#) — историей 1964 года «New York Times против Салливана», который определил в американском законодательстве норму, согласно которой представители СМИ имеют дополнительную защиту на основе Первой поправки Конституции.

ваться. Я пообедал на скорую руку, час мотался, пересаживаясь то на метро, то на автобус, затем взял такси, которое доставило меня по Вестчестерскому¹ адресу Эвелин, моей формальной сестры и по совместительству весьма перспективному катализатору моих воспоминаний.

Ещё перед прибытием я решил действовать как можно более трезво.

Поэтому, когда после тридцати секундного ожидания дверь внушительного старинного особняка открылась в ответ на мой стук, я уже знал, что собирался сказать.

Я всё уже продумал, когда подходил сюда по извилистой подъездной дорожке, посыпанной гравием. Меж тёмных дубов и ярких клёнов. Под моими ногами шуршали листья, и ветер холодил мою свежесбриту шею, задувая за воротник куртки. Запах геля от моих волос смешивался с прелым духом, исходящим от плетей плюща, обвивавшего все стены старого кирпичного сооружения. Но родства со всем этим я так и не ощутил. Я не думал, что когда-либо бывал здесь до этого момента.

Я постучался, и выслушал пришедшее в ответ эхо.

Тогда я засунул руки в карманы и выждал.

Когда дверь открылась, я улыбнулся и кивнул конопатой и смуглокожей горничной с пуэрториканским акцентом.

— Да, — сказала она

— Я бы хотел увидеть миссис Эвелин Флаумель, будьте любезны.

— Кто её спрашивает?

— Её брат Карл.

— О, входите, пожалуйста, — сказала она мне.

Я вступил в холл. Мозаика пола — нежного оттенка цвета сомон² и бирюзы. Стена из красного дерева. Цветочная кадка с какой-то крупнолистной зеленью, расположилась на декоративном бортике слева от меня. Из висящего под потолком куба стекла и эмали изливался жёлтоватый свет.

Девчонка ретировалась, и я стал высматривать вокруг себя хоть что-нибудь знакомое.

¹ Округ Уэстчестер (англ. *Westchester County*) — пригородный округ (*county*) на юго-востоке штата Нью-Йорк, США. Самый северный пригород города Нью-Йорка. В 1960-1970 гг 800-900 тыс. жителей. <http://westchestergov.com>

² Цвет сомон — буквально «посошевый цвет». Свое имя получил от французского названия посося. Оранжево-розовый цвет, цвет мякоти посося, посошевого филе, тонко нарезанных ломтей на блюде. Также цвет «имбиря в красном рисовом уксусе». Обычно называется синонимом «розово-жёлтому» цвету. Дизайнеры советуют сочетать с цветом «зелёного чая», «папирусом», «бирюзовым», то есть обстановка холла у «Эвелин» до нельзя «правильная», как на картинке в каталоге. Так что можно предположить, что «миссис Флаумель» просто воспользовалась стандартным дизайнерским решением, что в сочетании со старым домом очень тонко, почти неуловимо, намекает, что всё это не настоящее, временное, ложное.

Ничего.

Так что я просто принялся ждать.

Некоторое время спустя горничная вернулась, улыбнулась, кивнула мне и сказала: «Пожалуйста, следуйте за мной. Она примет вас в библиотеке».

И я последовал. Вверх на три пролёта лестницы, затем вниз по коридору мимо двух закрытых дверей. Третья слева от меня оказалась открытой и горничная показала, что мне нужно направляться туда. Я вошёл и замер в дверях.

Как и во всех библиотеках, здесь было море книг. Здесь также висели три картины, две из них изображали спокойные пейзажи, и ещё одна была столь же безмятежным творением маринистов. Пол застилал тяжёлый зелёный ковёр. Рядом был внушительный глобус, с которого на меня смотрела Африка¹ — как раз около большого стола. За ними — окно во всю стену из восьми стеклянных рам. Но ничто из этого не было причиной моей заминки.

Женщина за столом была в платье цвета морской волны с высоким воротом и V-образным вырезом. Её длинные чуть вьющиеся волосы совмещали в себе закатные облака и самую границу ореола пламени свечи во мраке тёмной комнаты. И были столь же естественны. Я откуда-то это знал. Её глаза за стёклами очков, — не думаю, что они были ей нужны, — были столь же сини, что и озеро Эри² в три часа безоблачного дня, а цвет её сдержанной улыбки гармонировал с цветом волос. Но ничто из этого не было причиной моей заминки.

Я знал её, откуда-то знал, но не мог сказать, откуда же.

Я прошёл дальше, в свою очередь, сохраняя улыбку.

— Привет, — произнёс я.

¹ Пожалуй, стоит отметить, что во всяких символических толкованиях Африка и тем более изображение континента Африки на карте символизирует дальнейшее путешествие и желание (часто скрытое) отправиться в дальние страны, посмотреть мир. Африка также ассоциируется с «колыбелью человечества», а значит, с чем-то изначальным, исходным, первородным. С Африкой, именно так потому, что это то «ружьё», которое смотрит на читателя и в следующей главе. Ещё интересно то, что «пепельный свет луны», встретивший пробудившегося Корвина в первой главе в период прямо перед Новолунием — конец последней фазы убывающей Луны — отражен на Луну именно от берегов Африки и поверхности Индийского океана.

² Озеро Эри — озеро в Канаде и США, четвёртое сверху в системе Великих озёр. Имея площадь 25 700 км², Эри занимает по этому параметру 11 место среди озёр мира (считая Каспийское море) и 4 место в США. Озеро вытянуто с запад-юго-запада на восток-северо-восток на 388 км при ширине до 92 км. Озеро омывает берега американских штатов Мичиган, Огайо, Пенсильвания и Нью-Йорк и канадской провинции Онтарио.

Забавно, что [согласно википедии](#) и всем другим источникам в 1960—1970 годах озеро Эри испытало изменения в качестве воды, связанные с возросшим уровнем фосфоритов в воде и донных отложениях. Это повлекло за собой эвтрофикацию системы из-за коренных изменений в цветении и скорости размножения водорослей. Разложение водорослей спровоцировало расширение сезонных аноксигенных зон в озере (также называемых мёртвыми зонами), что продолжалось в начале 1970-х. **Массы разлагающихся водорослей и загрязнённая береговая линия способствовали распространению мнения об Эри как о мёртвом озере** (заголовки газет в 1970 году). Ситуация начал меняться только после соглашения между Канадой и США (1972) о снижении стока фосфоритов в озеро, то есть была характерна вплоть до середины 70-х. Соответственно, поверхность озера на значительной площади была отнюдь не голубой, а **ярко или изумрудно-зелёной**.

Учитывая, что далее в тексте указываются типичные цвета (одежды) сестры Корвина, как изумрудно-зелёные, а также учитывая её настоящее имя, стоило задуматься, ну, или просто прочитать следующую главу с ещё одним уже менее выпяренным, более конкретным и однозначным портретным описанием.

— Пожалуйста, присаживайся, — сказала она, показав на кресло апельсинового цвета с длинными подлокотниками и высокой спинкой, призывно выгнувшееся как раз под тем углом, под каким мне бы хотелось в нём развалиться.

Что я и сделал, а она принялась меня изучать.

— Рада тебя видеть вновь на ногах.

— Я тоже. А ты как?

— Спасибо, отлично. Я должна сказать, что не ожидала тебя здесь увидеть.

— Я знаю, — приврал я, — но я здесь, чтобы поблагодарить тебя за твою сестринскую доброту и заботу.

Я позволил прозвучать лёгкой нотке иронии во фразе, только чтобы понаблюдать за её реакцией.

И тут же в комнату вступил огромный пёс — ирландский волкодав — и растянулся перед столом. Другой проследовал за ним, и перед тем как улечься дважды обошёл глобус.

— Прекрасно, — ответила она с той же иронией, — это самое малое, что я могла для тебя сделать. Ты должен быть осторожнее за рулём.

— В дальнейшем, — сказал я, — я приму все меры предосторожности, обещаю.

Я так и не понял, в какую именно игру я ввязался, но сейчас, когда «она не знала, что я не знаю», я решил вытянуть из неё всю информацию, что смогу:

— Я предположил, что тебе будет небезразлично узнать, в какой я теперь форме, вот я здесь, чтобы тебе это продемонстрировать.

— Уже заметила, — отозвалась она. — Давно ты ел?

— Чуть перекусил несколько часов назад, — ответил я.

Тогда она позвонила горничной и заказала поесть. Потом сказала:

— Я предполагала, что ты способен сам выбраться из «Гринвуда», когда придёшь в форму, но и не могла подумать, что это случится так скоро. И тем более не думала, что ты заявишься прямо сюда.

— Знаю, — согласился я, — поэтому я и здесь.

Она предложила мне сигарету, я взял, затем дал ей прикурить, и закурил сам.

— Ты всегда был непредсказуем, — сообщила она мне, наконец. — Это качество тебя не раз выручало в прошлом, но только сейчас на твоём месте я бы на это не рассчитывала.

— На что ты намекаешь? — сказал я.

— Ставки слишком высоки для блефа. А я думаю, это как раз то, что ты затеваешь, когда заявляешься прямо сюда подобным образом. Меня всегда восхищала твоя бравада, Корвин, но не будь дураком. Ты ведь знаешь расклад.

Корвин? Поставим сноску к имени «Кори».

— А вдруг я не в курсе, — пояснил я, — ты ведь помнишь, я некоторое время был Спящей Красавицей.

— Этим ты подразумеваешь, что ещё ни с кем не контактировал?

— Как-то не имел возможности с тех пор как очнулся.

Она наклонила голову и смежила свои чудные глазки.

— Лихо, — сказала она, — но реально. Вполне реально. Ты способен на такие заморочки. Уж с тебя станется! И я сейчас притворюсь, что так оно и есть. В этом случае ты разыграл весьма хитроумную комбинацию. И мне надо об этом подумать.

Я покуривал свою сигарету, рассчитывая, что она скажет ещё что-нибудь. Но она всё никак не начинала, и я решил сам вытянуть что-нибудь, что могло бы дать мне преимущество в этой игре с неведомым призом, с неизвестными мне игроками, непонятными ставками. Ведь обо всех этих вещах у меня пока не было, ни малейшего намёка.

— То обстоятельство, что я нахожусь здесь, кое-что да значит, — заявил я.

— Да, — ответила она. — Я знаю. Но ты коварен, так что это может означать ещё много чего. Мы подождём и посмотрим.

Подождём чего? Увидим что? Моё изоощрённое коварство?

Прибыл стейк вместе с кувшином пива, поэтому я был временно избавлен от необходимости подбрасывать таинственные и многозначительные высказывания таким образом, чтобы она истолковывала их как тонкие намёки и искусные недомолвки. Стейк мне достался превосходный, розовый внутри, необычайно сочный. С непомерным голодом я впился зубами в свежее испеченный с хрустящей корочкой хлеб, не забывая с жадностью захлёбывать пиво. Она, смеясь, наблюдала за мной, пока сама нарезала свою порцию на крохотные кусочки.

— Люблю жажду, с которой ты набрасываешься на жизнь, Корвин. Это одна из причин, по которым мне будет жаль, если ты с ней расстанешься.

— Мне тоже, — жуя, промычал я.

И я за едой тоже всматривался в неё. Я увидел её в платье с глубоким вырезом, изумрудно-зелёном, каким зелёным бывает море, и с широким подолом. Там была музыка, танцы, вокруг шум голосов. Я был одет в чёрное с серебром и... Видение пропало. Но это был подлинный кусочек моей памяти, — я это знал, — и мне чертовски не хватало всей её полноты. Что же она тогда говорила, в этом своём зелёном образе, тому мне в чёрном с серебром, той ночью, на фоне той музыки, в том танце, и среди тех голосов?

Я налил нам ещё пива из кувшина и решил испытать это моё видение.

— Я вспоминаю одну ночь, — сказал я, когда ты была вся в зелёном, а я — в своих цветах. Всё казалось таким прекрасным — та музыка...

На её лицо легла легкая тень грусти, щёки разгладились.

— Да, — сказала она. — Где же они, те дни? ... Ты действительно ещё ни с кем не связывался?

— Слово чести, — подтвердил я, что бы это ни значило.

— Всё изменилось к худшему, — сказала она, — и в Тенях¹ теперь больше жути, чем можно было когда-либо вообразить.

— И? — спрашивал я.

— У него всё те же заботы,

— О.

¹ Тень в английском языке гораздо более материальна, самостоятельна, объёмна, множественна и даже предметна, чем в русском. «Русская» тень одномерна, контурна, вторична по отношению к реальным предметам, и в единственном числе употребляется гораздо чаще, чем во множественном. Некоторая «самостоятельность» тени принесена к нам западной культурно-языковой традицией («Тень» Андерсена и пр.). Если в другом романе Желязны «Джек из тени» с переводом всё более чем ясно: там речь идёт именно о тенях, как игре света и тьмы, тенях пламени и солнечного света, то в «Янтарском цикле» выбор перевода английского *Shadow* не так однозначен. Как мы знаем, в первых ФЛП переводах *Shadows* переводились как «Отражения». Возьмём обратный перевод с русского «Отражение» на английский — *reflection*. Он так же интересен, и простите, зеркален, как и «Тень» в русском. Как и в случае с русской тенью, *Reflection* — это больше глагол, действие, блик, угол, вспышка, чем сущность. Большой кусок смысла и частоты употребления отобрала традиция употребления слова *Mirror* в значении не только «зеркало», но и «отражение» Исходя же из базового символа вселенной — Янтаря (его наглядных оптических свойств), отражения выглядят даже предпочтительнее «теней». Что я хочу этим сказать? Выбор перевода вторичных сущностей Янтаря не так очевиден, как это может показаться тому, кто просто заглядывает в словарь, что и объясняет наличие вариантов перевода.

Однако всё бы ничего, но у Янтаря в романе Желязны есть два *прямых отражения* — именно в буквальном смысле (*Reflections of Amber*). Это Ребма (*Rebma*) и Тир-на-ног (Тир на Ног), в которых искажённо, но вполне явственно отражаются конкретные, отслеживаемые, события, происходящие в Янтаре в прошлом или в будущем (см., например, [Википедию](#)). И которые имеют свойство физических «зеркал», подчас **отражающих мир Янтаря наоборот**. Но только не физический мир, но его события. Поэтому использование привычных по переводу Михаила Гилинского «Отражений» будет явным искажением смысла текста. А к тому же ещё есть комментируемое здесь первое их упоминание — реплика Флоры — «и в Отражениях теперь больше жути, чем можно было когда-либо вообразить», что звучит гораздо страннее, чем «и в Тенях теперь больше жути, чем можно было когда-либо вообразить».

Также понятие «тень» существует в культурной традиции среди основных архетипов Юнга (противоположность архетипу «персона», «личность»). В этой трактовке «тень» — это архетипическая форма, состоящая из материала, подавленного сознанием; её содержание включает те тенденции, желания, воспоминания и опыты, которые отсекаются человеком как несовместимые с персоной и противоречащие социальным стандартам и идеалам. Тень содержит в себе все негативные тенденции, которые человек хочет отвергнуть, включая животные инстинкты, а также неразвитые позитивные и негативные черты. В положительном ключе Юнг рассматривал тень, как источник жизненной силы, спонтанности и творческого начала в жизни индивидуума. См. также эссе Урсулы Ле Гуин «The Child and the Shadow».

— Да, — она продолжила, — и он захочет узнать к чему ты пришёл.

— Я пришёл сюда, — сказал я.

— Ты хочешь сказать...

— Это пока что, — я сообщил ей это, возможно, слишком поспешно, и её глаза раскрылись совсем уж широко, — я пока ещё не полностью уяснил баланс сил, — хорошо же я напустил туману.

— О.

Мы, наконец, справились с нашими стейками и пивом, оставшиеся две кости достались собакам.

Затем мы насладились кофе, и я ощутил прилив уже почти братских чувств, но подавил их. Я спросил:

— А что другие? — что могло означать всё, что уютно, но звучало вполне безобидно.

Я на мгновение испугался, что она собирается спросить меня, что я этим подразумеваю. Вместо этого, вопреки моим опасениям, она откинулась в своём кресле, устремила взгляд вверх и произнесла:

— Как и всегда, ничего нового не слышно. Возможно, твой выбор — самый мудрый. Мне ведь тоже здесь так нравится. Но как я могу забыть — величие?

Я опустил глаза, потому что не знал, что они должны выражать.

— Никто не может, — подтвердил я. — Никто и никогда.

Последовало долгое напряжённое молчание, после которого она сказала:

— Ты меня ненавидишь?

— Конечно, нет, — ответил я. — Как я могу — после всего?

Это, будто бы её умаслило, и она продемонстрировала свои зубки, ослепительно белые.

— Спасибо тебе большое, — сказала она, — Кроме всего прочего ты ещё и джентльмен.

Я раскланялся и ухмыльнулся.

— Так ты вскружишь мне голову.

— Едва ли, — сказала она, — принимая во внимание, как всё сложилось.

И я почувствовал неловкость.

Мой гнев был всё ещё при мне, и я терялся в догадках, знает ли она тех, на кого он должен быть направлен, и о том, что я вы-

нужден сдерживать свою ярость. Я почувствовал — знает. И я боролся с искушением спросить её начистоту, надавить.

— Итак, что ты собираешься предпринять? — спросила она в конце концов, и на этот довольно прямой вопрос я было ответил:

— Ты, разумеется, мне не веришь...

— А как мы можем верить?

Я твёрдо решил запомнить это «мы».

— Хорошо, допустим. Пусть пока будет вот что. Я добровольно помещаю себя под твой надзор. Я буду рад остаться именно здесь, где ты сможешь не спускать с меня глаз.

— А затем?

— Затем? Там будет видно.

— Умно, — сказала она, — очень умно. И ты ставишь меня в двусмысленное положение. (А я сказал это потому, что мне некуда было идти, а выбитые мной отступные не могли надолго меня обеспечить).

— Да, конечно, ты можешь остаться. Но позволь тебя предупредить, — и тут она потрогала то, что я вначале принял за какой-то кулон, висящий на цепочке вокруг её шеи, — это ультразвуковой свисток для собак. Доннер¹ и Блитцен² здесь, а ещё у них есть четыре брата, и все они прекрасно выдрессированы справляться со всяким злоумышленником, и они всегда реагируют на мой сигнал. Поэтому не вздумай появляться там, где тебя не желают видеть. Всего лишь неслышимый писк — и даже ты перед ними не устоишь. Ты ведь знаешь, что именно их порода повинна в том, что в Ирландии больше не осталось волков.

— Я знаю, — сказал я и ощутил, что действительно это знал.

— Да, продолжила она, Эрику это понравится: что ты мой гость. Это должно убедить его оставить тебя в покое, и если это то, что тебе нужно, *n'est-ce-pas*³?

— *Oui*⁴, — сказал я.

¹ Donner (Доннер), нем. «гром» / Tonnerre (Тоннер) — седьмой олень (из восьми) в упряжке Санта-Клауса. Также Дённер (или Донар) — германское имя скандинавского бога Тора, упоминаемое, в частности, в цикле опер Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга»

² Blitzten (Блитцен), нем. «молния» / Éclair (Эклер) — восьмой олень у упряжке Санта-Клауса.

Список из 8 оленей приобрёл популярность после выхода уже упоминавшегося здесь стихотворения Клемента Кларка Мура «Визит Святого Николая» в 1823 году. Эдмунд Кларенс Стедман поместил в своей «Американской антологии 1787—1900 гг.» это стихотворение в редакции 1844 года, в которой голландские имена *Dunder* (гром) и *Blixem* (молния) были заменены на германизированные формы *Donder* и *Blitzen*. Позднее имя *Donder* приняло форму *Donner*, что соответствует нормам современного немецкого языка.

Как я уже говорил в примечании в главе 1, все в Америке знают этот детский рождественский стишок «В Ночь перед Рождеством», своеобразную «В лесу родилась ёлочка» по-американски.

³ Ne est ce pas — не правда ли? (фр.)

⁴ Oui — Да. (фр.)

Эрик! Это имя определённо что-то значило! В прошлом я уже знал человека по имени Эрик, и это само по себе было очень важно, как относительно моих текущих планов, так и даже без относительно текущих событий. Но, если Эрик, которого я знал, всё ещё где-то рядом, это тоже было важно чрезвычайно.

Почему?

Я ненавижу его — хотя бы по этой причине. Ненавижу его настолько, что намеревался убить. Возможно, даже попробую это сделать.

Также между нами была какая-то связь, и я это знал.

Кровное родство?

Да, именно. Никого из нас это не радовало, но мы были братьями... Я вспомнил, я вспомнил...

Большой, сильный Эрик, с его густой кудрявой бородой и его глазами — точно такими же, как у Эвелин!

Я был захвачен новым валом воспоминаний, да так, что у меня запульсировало в висках, а загрохот внезапно запылал.

Я ничему не позволил отразиться на моём лице, вместо этого заставил себя ещё раз затянуться сигаретой и глотнуть ещё пива — а всё потому, что я осознал, что Эвелин на самом деле была моей сестрой! Только звали её вовсе не Эвелин. Я не мог вспомнить как именно, но точно не Эвелин. Я должен быть осторожен, понял я. Мне надо воздержаться от упоминания каких-либо имён, обращаясь к ней, пока я не восстановлю память.

А кто же я сам? И что такое всё это, что творится вокруг меня?

Эрик, как я вдруг ощутил, имеет какое-то отношение к аварии. Которая должна была быть для меня смертельной, только не тут-то было. Это был именно он, ведь больше некому? Мои чувства это подтверждали. Это должен был быть Эрик. А Эвелин с ним заодно: она платила «Гринвуду», чтобы они держали меня в отключке. Лучше, чем быть мёртвым, но всё же...

Я осознал, что, придя к Эвелин, я неминуемо предал себя в руки Эрика. И неминуемо стану его пленником, буду открыт для нового нападения, если здесь останусь.

Но она же навела меня на мысль, что моё пребывание в качестве её гостя может побудить его оставить меня в покое. Я прикинул своё положение с разных сторон. При текущем раскладе я уже не мог ничего поделаться. Конечно, мне стоит быть постоянно настороже. Возможно, побыть здесь какое-то время будет

лучше, чем сразу свалить, ведь постепенно это позволит вернуть мои воспоминания.

Но ещё было ужасное ощущение срочности. Я должен вывести всю подноготную как можно быстрее и начать действовать сразу, как только я всё разужнаю. Это подстёгивало меня. Если опасность была ценой моей памяти, а шанс нужно было оплачивать риском, да будет так. Я остаюсь.

— И я помню, — произнесла Эвелин, и я заметил, что она уже довольно долго о чём-то говорит, а я даже не слушаю её. Возможно, это получилось потому, что содержание её речи не требовало ответа — а возможно, причина была в том, что мне было крайне необходимо всё осмыслить.

— И я помню день, когда ты побил Джулиана в его любимой игре, и он швырнул в тебя винный кубок и покрыл тебя бранью. Но ты всё равно забрал тот приз. И он постоянно боялся, что зашёл тогда слишком далеко. Но ты тогда рассмеялся и распил этот кубок вместе с ним. Я думаю, он чувствует себя скверно ещё и от того, что не сумел сдержаться, ведь обычно он такой хладнокровный. И я думаю, он завидовал тебе в тот день. Ты вспоминаешь? Я думаю, с тех пор он в известной мере копировал многое из твоих действий. Но я всё ещё его ненавижу и надеюсь, что он быстро сольётся. Я думаю, с ним...

Джулиан, Джулиан, Джулиан. И да, и нет. Что-то о состязании, что-то о том, как моя уловка его выбесила и уязвила уже почти вошедшее в легенды самообладание. Да, там произошли какие-то семейные разборки, и нет, я не мог с точностью вспомнить, в чём там было дело, и кто в них был замешан.

— А Кейн, как ты его *одурачил*! Он всё ещё тебя ненавидит, ты ведь знаешь...

Выходит, не очень-то меня и любили. Вместе с тем мне это польстило.

И имя Кейн, тоже звучало весьма по-родственному¹.

Эрик, Джулиан, Кейн, Корвин. Имена так и витали вокруг моей головы, но вобрать в себя всё это мне было ещё чересчур затруднительно.

— Это было так давно, — сказал я почти случайно, и это прозвучало как истина.

¹ И тут, пожалуй, следует закончить (или продолжить) старый спор о том является ли Кейн или Каин правильным переводом имени. Хотя бы чтобы правильно передать иронию этого места в тексте. Ну да Caine — это некоторая аллюзия на библейского Каина. Она есть. И не только глядя на сходство Каина (Cain) и на форму этого имени в оригинале у Желязны — Caine. Намёки весьма конкретные. Как по форме, так и по смыслу. И по смыслу первый раз в этом самом месте. Не говоря уже о дальнейшем сюжете. Зафиксируем это здесь, но пусть Кейн дальше будет всё-таки Кейном.

— Корвин, — сказала она, — давай начистоту. Ты хочешь больше чем гарантию безопасности, я это знаю. И у тебя всё ещё достаточно сил, чтобы повлиять на ситуацию, если ты правильно разыграешь свои карты. Я не могу угадать, что у тебя в голове, но, может быть, мы сможем заключить сделку с Эриком, — мы явно к чему-то подобралась. Она уже подошла к такому роду умозаключений, как оценка моей значимости, куда бы это ни шло. Она увидела в этом возможность извлечь выгоду для себя, и я мог этим воспользоваться. Я улыбнулся, пока осторожно.

— Итак, почему ты пришёл сюда, — продолжила она. — У тебя есть предложение для Эрика, то, что возможно, потребует посредника?

— Возможно, — ответил я, — после того, как я всё это обдумаю. Поправился я не так уж давно, поэтому мне ещё предстоит всё тщательно взвесить. Я хочу занять выигрышную позицию, и одновременно быть там, откуда я смогу действовать быстро, если я решу, что мне более выгоден союз с Эриком.

— Берегись, — заявила она. — Ты знаешь, что я передам ему каждое слово.

— Конечно, — сказал я, по-прежнему не зная к чему и осторожно нащупывая пути к быстрому отступлению, — если тебе не будет выгоднее объединиться именно со мной.

Она сдвинула брови домиком, и меж ними наметились легкие морщинки.

— Я не уверена, что тебе есть что мне предложить.

— Пока я ничего не предлагаю, — сказал я.

— И я, будучи здесь и сейчас полностью открытым и честным с тобой, заявляю: я ещё не определился. Я отнюдь не склонен вести дела с Эриком. После всего...

Я нарочно позволил словам иссякнуть, потому что я не знал, как их продолжить, и думаю, поступил верно.

— Так ты получил предложение получше? — она внезапно вскочила, схватившись за свой свисток.

— Блейс! Ну конечно!

— Сядь, — сказал я, тщательно подбирая слова, — и не будь душой. Стал бы я так спокойно, с такой готовностью, отдавать себя в твои руки, рискуя стать кормом для собак, всего-навсего потому, что тебе на ум придёт Блейс?

Её напряжение спало. Пожалуй, она даже слегка успокоилась, и в итоге снова присела.

— Возможно, нет, — наконец произнесла она, — но я знаю твои штучки, и я знаю, как ты бываешь вероломен. Если ты пришёл сюда, дабы разделаться с чужим сторонником, можешь себя не утруждать. Я не такая уж крупная рыба. Ты должен был бы уже это понять. А ведь я всегда рассчитывала хоть на капельку твоей симпатии.

— Могла и можешь рассчитывать, — сказал я, — и у тебя нет причин для беспокойства. Вовсе нет. Но вот мне интересно, я всё никак не возьму в толк, почему вдруг Блейс?

Ну, давай, ловись моя рыбка! Ключи, же, ключи! Столько ж всего я мне ещё нужно узнать от тебя!

— Почему? Разве *Он* тебя не сманивал?

— Да не сказал бы, — ответил я, надеясь, что это как-то будет мне на руку, и я ведь, теперь знал, что Блейс был мне братом, а не сестрой:

— А если и так, то ему бы я ответил точно так же, как и Эрику: я подумаю об этом.

— *Блейс*, — повторила она, — и я про себя произнёс: «Блейс». *Ты мне нравишься, «Блейс». Я забыл почему, но я знаю, что есть причины. Не знаю с чего бы это — но ты мне нравишься. Я уже почти уверен в этом.*

Сидели мы уже довольно долго, и меня охватывала усталость, но я не хотел это показывать. Я должен был быть сильным. Я знал, что просто обязан быть сильным.

И я сидел и сидел, улыбался, произносил:

— Приличную библиотеку ты тут заимела, — а она отвечала — Спасибо.

А время шло.

— Блейс, — повторила она наконец, — Ты действительно думаешь, что у него есть шанс?

Я пожал плечами.

— Кто знает? Уж точно не я. Может быть, есть, а может быть, и нет — всё возможно.

Теперь она пристально посмотрела на меня, её глаза расширились и губы раскрылись.

— Не ты? — проговорила она, — Разве ты не будешь пытаться? Сам?

В ответ я рассмеялся, исключительно с целью чем-то покрыть её эмоциональный всплеск.

— Не говори глупостей, — сказал я, когда закончил смеяться.
— Я?

Но в тот момент, когда она это произнесла, я осознал, что она ударила по какой-то струне, задела что-то глубоко потаённое, отозвавшееся могучим: «А почему нет?»

Вдруг мне стало страшно.

Она же казалась успокоенной, думаю, моим отрицанием, чего бы я там ни отрицал. Затем она улыбнулась и указала на встроенный бар налево от меня.

— Я бы выпила чуточку Айриш Мист¹, — сказала она.

— В таком случае я присоединяюсь, — ответил я. Затем я встал и устроил нам по одной.

— Ты знаешь, — сказал я после того как исследовал свои ощущения, — это приятно быть вот так, вместе с тобой, даже так недолго. Это навевает воспоминания о прежних временах.

А она улыбалась и была в этом прекрасна.

— Ты прав, — сказала она, потягивая свою порцию. — С тобой я почти чувствую себя в Янтаре, — и я чуть не пролил свою выпивку.

Янтарь²! Это слово ударом молнии пронзило меня до самых пят.

Затем она принялась плакать, и я встал и обнял её, чтобы утешить.

— Не плачь, малышка. Ну, не плачь, пожалуйста. Меня это тоже удручает.

Янтарь! Здесь было сокрыто нечто мощное, нечто электризирующее и пропитанное энергией!

— Дни добрые настанут, как былые, — сказал я мягко и успокаивающе.

— Ты и правда в это веришь? — спросила она.

— Да, — сказал я уверенно. — Да, верю!

— Ты сумасшедший, — сказала она, — может быть, именно поэтому, кроме всех прочих причин, ты всегда был моим люби-

¹ Айриш Мист ([Irish Mist](#), «Ирландский туман») — ликёр премиум-класса, производимый на основе виски Tullamore Dew в Дублине, в Ирландии. Тёмный, густой, сладкий, на основе знаменитого верескового мёда. Крепость 35% и 40% по объёму. В современной версии этот ликёр стали производить в 1947 году в винокурне Тулламор (ирл. Tulach Mhor, англ. Tullamore) в графстве Оффали (ирл. Uíbh Fhailí, англ. Offaly). Ликёр имеет приятный, нетерпкий, необыкновенно богатый, сладкий вкус и нежнейший аромат. Для приготовления этого ликёра используют два вида мёда — клеверный и вересковый, а также специальный экстракт из трав, шоколад.

² Греческое название янтара — электрон (электриумом). Хорошо известна его способность электризоваться при трении. Пока мы не знаем что же такое «Янтарь» в этой книге, ограничимся тем, что Янтарь имеет такое богатство символических значений, как ни один другой драгоценный камень, что связано с его физическими свойствами, происхождением и различными его видами (сортами). Особенно любопытно выглядят оптические свойства янтара в контексте теней и отражений о котором мы поговорим позже.

мым братом. Я могу поверить едва ли не всему, что ты говоришь, даже когда я точно знаю, что ты сумасшедший.

Потом она поплакала ещё чуть-чуть и затихла.

— Корвин, — сказала она, — если ты вдруг сделаешь это — если по какой-то дикой и невероятной случайности, игре Теней тебе удастся это проверить — ты ведь вспомнишь о твоей любезной сестричке Флоримель?

— Да, — я сказал, понимая теперь, что это её имя. Да, я вспомню о тебе.

— Спасибо. Я расскажу Эрику только то, о чём не могу умолчать. Но не упомяну, ни о Блейсе, ни обо всех моих последних подозрениях.

— Спасибо тебе, Флора.

— Но я, ни на грош тебе не верю, — добавила она. — Помни и об этом.

— Это и без разговоров понятно.

Затем она вызвала горничную показать мою комнату. Я кое-как разделся, свалился в кровать, и проспал одиннадцать часов кряду.

НОТИФИКАЦИЯ

В оформлении отрывка использованы работы:

Глава 1— Игорь Сидоров
(«Палата №6» илл. к «Хроникам Амбера», 1990 г)
[http://fotki.yandex.ru/users/sidorizm/tags/хроники амбера](http://fotki.yandex.ru/users/sidorizm/tags/хроники_амбера)
<http://www.igorsidorov.com>

Глава 2 — Айбек Бегалин
(«Над островом грёз», 2002 г)
<https://www.facebook.com/begleon>

Временный сайт проекта перевода
<http://szfan.ru>

Новый сайт проекта (на перспективу)
<http://ambersk.ru>

Этот перевод делается без сроков и обновляется где-то раз в месяц; при неблагоприятных обстоятельствах раз в три месяца, поэтому, имейте ввиду, что дальше станет гораздо лучше, глаже и, возможно, даже полнее. Эти демонстрационные две-четыре главы отшлифуются, и появится контекст полного перевода. По итогам всего перевода в этом демо-файле планируется показать главы 1-3, 7, 10.

